

М.И. ТРОФИМОВ
*кандидат философских наук, доцент
кафедры истории и политологии
Государственного университета управления**

Нереволюционная «Социология революции» П. Сорокина

В последнее время термин «революция» стал звучать все чаще в речах политических лидеров, в выступлениях политических обозревателей и в заявлениях культурной элиты. Так, Президент РФ Д. Медведев 10 сентября 2010 г., отвечая на вопросы политологов в рамках Мирового политического форума (Ярославль), заверил их, что «лимит на революции в России исчерпан». 21 сентября «Независимая газета» опубликовала статью известного политолога А. Ципко с характерным названием «Может, хватит революций». В октябре кинорежиссер Н. Михалков опубликовал «Манифест Просвещенного Консерватизма» со словами: «Революции закончены, забудьте!» (сайт kp.ru). Опять же «Независимая газета» 28 декабря цитирует депутата Госдумы А. Исаева: «Мечты о революции должно оставить».

Все это говорит о тревоге сегодняшней властвующей и прислуживающей элиты за проявляющееся недовольство низов и настороженном отношении власти к нарастающим протестным акциям.

В первые недели 2011 г. мировые информационные ленты запестрели сообщениями о вспыхнувших в государствах Большого Ближнего Востока массовых беспорядках.

* Трофимов Михаил Иванович, e-mail: mishel 41@ list.ru

рядах, вызванных острейшими социальными проблемами, проходивших под лозунгами-вопросами: «Ни хлеба, ни работы, ни крыши над головой! Как жить?» и первоначально названных «продовольственными бунтами», очередными «цветными революциями». Участники многотысячных стихийных акций громили магазины и рестораны, атаковывали районы, где проживают состоятельные слои, жгли автомобили, громили почтовые отделения и банки, правительственные учреждения. Очень скоро стали звучать и политические лозунги, в том числе с требованиями отставки президентов, правительств, обвинения их и их окружения в коррупции, экономических проблемах и подавлении свободы, требования смены авторитарных режимов. Мировое сообщество, а тем более политики с тревогой и напряжением следят за происходящим: что это – бунты, мятежи, восстания или революции? Выразил беспокойство и Президент РФ, выступая в конце февраля на заседании Национального антитеррористического комитета во Владикавказе. По его мнению, события в Северной Африке и на Ближнем Востоке будут оказывать влияние на ситуацию в России. И речь может идти о длительной перспективе. Экстремизм и террористическая активность могут только усиливаться. «Такой сценарий они (?) раньше готовили для нас, а сейчас тем более будут пытаться его осуществить. В любом случае такой сценарий не пройдет»,¹ – заверил он.

И это побуждает вернуться, еще раз осмыслить сущность такого общественно-исторического явления, как революция, его объективность, субъективное восприятие, причины его вызывающие и последствия. На протяжении длительного времени эта тема привлекала внимание многих философов, историков, социологов, политологов и политиков. Накоплено много исследований и эмпирических знаний об этом явлении в общественно-политической жизни в различных странах и в разные исторические эпохи. По мнению некоторых, можно даже говорить о некой «теории революции».

Базой для революционных теорий, в том числе и теории Маркса, послужила французская революция, и она

¹ См.: Российская газета, 2011, 24.02.

же стала определенной моделью для последующих революций. Две Великие революции – Английская (1640-1649 гг.), Французская (1789-1793 гг.) и целая серия революций 1830, 1848-1850, 1871 гг. в Европе не создали ту форму общественного устройства, которая удовлетворяла бы народные потребности. Ломая абсолютизм, устраняя феодальные путы, они приводили: в экономике – к установлению новых эксплуататорских буржуазных отношений, режим реквизиций, уравнительности сменялся разгулом спекуляций, наживы; в политике – к узурпации власти, к господству Кромвелей и Бонапартов. Радикальные деятели, которые вели массы на борьбу под лозунгами свободы, склонны были развивать энергию масс, лишь идя к власти, и начинали бороться с «анархией» тех же масс, как только эту власть обретали. «Кровавые революции повторяются судорожно и бесплодно», – писал Н.П.Огарев в 1858 г. в «Колоколе».

Прогрессивные деятели России вступили на путь революционной борьбы позже и могли обратиться к опыту, брать уроки в школе великих революций у западных революционеров. Оценки революций до сих пор крайне разнообразны и во многом зависят от политической ориентации и взглядов на историю. Но даже такой крайний противник революции, как А.Солженицын, не смог не признать, что «российская революция (с её последствиями) оказалась событием не российского масштаба, но открыла собою всю историю мира XX века – как французская открыла XIX век Европы, - смоделировала и подтолкнула все существенное, что потом везде произойдет»¹. Сегодня никто не может отрицать, что Великая французская революция 1789 г. и Великая Октябрьская революция 1917 г. дали гигантский импульс прогрессу человечества, оказали мощное воздействие на сам характер исторического процесса, радикально изменили ход мировых событий.

Оглядываясь на прошедший XX в., мы с полным основанием можем сказать, что это – век революций. И первая волна революций прокатилась после Первой миро-

¹ Солженицын А. Размышления над февральской революцией // Российская газета, 2007, 27.02.

вой войны. Вторая волна революций после Второй мировой войны – социалистических и национально-освободительных, перекроивших политическую карту мира. Третья волна – после Холодной войны – революций или контрреволюций – качественный скачок в прошлое, попытка вернуться в прошедшие времена.

Наибольшее влияние на всю историю XX в. оказала Великая Октябрьская революция 1917 г. в России. Именно её проявления и *непосредственные* результаты были исследованы и описаны П. Сорокиным. «Социология революции» была задумана автором еще в годы Гражданской войны, написана в 1922-1923 гг. и вышла в свет в США на английском языке в 1925 г. В России впервые издана в 2008 г.

Исследование во многом является лишь эмоциональным описанием (в ряде мест использована ненаучная терминология) непосредственно видимых потрясений и трагических явлений, всегда сопровождающих подобного рода общественные перевороты.

В первых четырех очерках анализируются социальные последствия революции, ее влияние на различные сферы личной и общественной жизни. При этом уделяется особое внимание биологизации в поведении людей, т. е. природные инстинкты человека, его генетически унаследованные черты, а они и не только добродетельные все больше чем разум влияют на поведение. Происходит ущемление безусловных рефлексов, что приводит к отмиранию условных, которые тормозили эти безусловные рефлексy. Происходит примитивизация и дезорганизация психической жизни общества. Отсюда Сорокин ставит знак равенства между революцией и деградацией общества (моральной, правовой, психической). Помимо деформации поведения революция изменяет биологический состав населения, а также активно влияет на процессы рождаемости, смертности, количество браков и разводов. Сорокин обращает внимание на то, что революция способствует выживанию «худших» элементов и заключает: «Мой личный опыт и факты истории – за меня»¹.

Революция отвлекает силы людей от борьбы с природой на борьбу друг с другом, ослабляет трудовые реф-

¹ Сорокин П. Социология революции. М., 2008, с. 308.

лексы. Происходящая в этот период деформация поведения людей, деградация определенной части населения, раскол в социальной структуре, радикальные перемены в управлении, в экономических процессах, в духовной жизни приводят к падению объемов производства, общему обеднению и дезорганизации всей экономической жизни общества.

Убежденный противник любых революций П.Сорокин критикует тех, кто считает, что революция является средством борьбы с различными социальными бедствиями: неравенством, нищетой, эксплуатацией и др.

В 1922 г. в Праге была издана небольшая книга П.Сорокина «Современное состояние России»¹. Уже в первых отзывах и комментариях было отмечено, что картина жизни, данная им, полная, яркая и верная, но публицист в нем явно преобладает над ученым-социологом. Да и по словам самого Сорокина он производит здесь «сжатый бухгалтерский подсчет» бедствий и негативных явлений, «отрицательных результатов» революции². Никаких общих статистических данных, кроме статистики уголовных преступлений и разводов, он не приводит. Он приводит собранные различными путями наблюдения разных лиц, а не научно-статистические обследования и делает выводы. В революции Сорокин видит один грех, один разврат, одно разложение. Высказывает «окончательные» суждения о моральной деградации русского народа и о вреде революции вообще.

Сорокин вырывает революцию из разворачивающейся цепи событий, рассматривает ее без связи с предшествующим периодом и без раскрытия противоположных явлений, развивающихся в той же самой обстановке и в тот же промежуток времени. Ведь, по его мнению, все было благочестиво (как у Солженицына, Михалкова), честно, государственный аппарат не был жесток. Из-за чего же, однако, вспыхнула революция?

В данном случае для нас наибольший интерес представляет шестой и заключительный очерк работы П.Сорокина «Причины революций». На вопрос, каковы же причи-

¹ Новый мир, 1992, № 4-5, с. 308.

² См.: Сорокин П. Социология революции, с. 451.

ны, предваряя более полный анализ, Сорокин отвечает: «Каковы бы конкретно ни были условия, из которых складывается общая, основная и вечная причина революций, она всегда состоит в росте «ущемления» главных инстинктов у значительной части общества, в невозможности их минимально необходимого удовлетворения, чем бы и кем бы такой рост «ущемления» не вызывался. Иными словами, она состоит в усилении препятствий, мешающих жить этой части агрегата, в росте непригодности их к существующим условиям»¹. И, добавим, можно сколько угодно говорить об ужасах революции, о ненормальностях, но надо устранять ненормальности бытия.

И далее он показывает, что для наступления революции необходимо «ущемление» самых важных инстинктов (рефлексов) или целого ряда их. Среди них такие рефлексы, как *пищевые* (потребность питания); *индивидуального самосохранения*; *группового самосохранения* (членов семьи, близких, единоверцев, единопартийцев и т.д.), оскорбление святынь этой группы, издевательство над ней; *потребность в жилище, одежде, тепле* (не удовлетворяется в минимальном размере); *инстинкты собственности* (бедность, отсутствие собственности у массы лиц при наличии огромных богатств у других); *инстинкт самовыражения и собственного достоинства* (оскорбления, недооценка, постоянное и несправедливое игнорирование их достоинств). «Для наступления революции необходимо, чтобы «ущемление» охватывало *если не подавляющее большинство, то, во всяком случае, значительную часть членов общества*. Ущемление у небольшой части общества существует всегда и ведет к единичным нарушениям порядка, носящим название «преступлений». Когда же это ущемление становится массовым, оно ведет к массовому нарушению и низвержению порядка и из «преступлений» превращается в «революцию»².

Размышляя далее о богатстве и бедности, автор напоминает, что они, как и все в мире, понятия относительные. Человек измеряет их не только тем, что он имел раньше, что он имеет сейчас, но и тем, что имеют другие. «Рабочий, получающий 200 долларов в месяц – бедняк в

¹ См.: Сорокин П. Социология революции, с. 309.

² Там же, с. 311.

богатой Америке и богач в нищей России»¹. Это делает понятным, почему перед революцией «ущемление» инстинктов у многих росло не потому, что оно возросло абсолютно, а потому что *увеличилась имущественная, правовая и другая дифференциация и неравенство*. И повторяет: такова вечная и основная причина революций, плюс бессилие групп порядка. Вот необходимые и достаточные условия наступления революций. Очень похоже на ленинское: «Низы не хотят, а верхи не могут».

Ставя на первое место «ущемление» пищевых рефлексов – голод – он показывает, что поведение человека начинает биологизироваться, освобождать от пут условных рефлексов. Ущемленный инстинкт начинает давить на другие инстинкты. Это означает дальнейшую биологизацию и ослабление тормозов, удерживавших от антисоциальных актов. И если власть и группы порядка не в состоянии соответственно усилить тормоза – приставить к виску голодного пистолет – происходит изменение процессов социальной жизни, т.е. начинаются волнения, смуты и революция.

Далее Сорокин в подтверждение сформулированного основного положения о связи крупных волнений с «ущемлением пищевых рефлексов» приводит данные статистики, факты истории, свидетельства и описания, начиная с *Древнего Востока, Древних Греции и Рима, Византии, Средневековья, Англии, Франции, Германии*, когда обезземеливание крестьянства, ухудшение материального положения масс, рост имущественной дифференциации приводят к волнениям, восстаниям. «Война дворцам и мир хижинам!» – вот лозунг, выдвинутый еще рабами. Войны, в том числе и гражданские, еще более усугубляют положение. Большие и малые революции становятся перманентными.

Не менее ясно эта связь выступает и в истории *России*. И эту связь уже в древности подметили летописцы. То же самое происходит в более поздние времена. Экономическое положение масс к концу XVI в. значительно ухудшилось. Малоземельный крестьянин в центральной России после уплаты всех податей и налогов не мог све-

¹ См.: Сорокин П. Социология революции, с. 311.

сти концы с концами. Неурожаи 1601-1602 гг. усилили бедствия и начались волнения. Тогда же появились слухи о самозванце и началась «великая смута». Продо-вольственную почву имел «соляной бунт» в 1643 г., «медный бунт» в 1662 г. и мятеж Разина в 1670-1671 гг.

При Екатерине II («просвещенная монархия») целый ряд крупнейших неурожаев, следовавших через 2-4 года один за другим, и непомерное усиление эксплуатации народа привели к целому ряду крупных бунтов: карто-фельный бунт 1765 г., «чумной бунт» 1771 г. и пугачев-ский бунт 1773-1774 гг., плюс до сорока других крестьян-ских восстаний. И в XIX в. именно по экономическим при-чинам и чисто «продовольственной нуждой», вызванной неурожаями, произошли десятки крупных волнений и беспорядков. Об этом надо бы знать нашим сегодняшним «просвещенным консерваторам»!

Огромным был неурожай 1905 г. Он охватил значитель-ные площади земель Европейской России, в ряде районов недобор хлебов составил 40-60%. Начались волнения, раз-гром помещичьих усадеб, хлебных запасов, столкновения и убийства толпой помещиков, земских начальников и т.д. К этому добавились возбуждения в городах, вызванные, в частности, войной. Итог – революция 1905 г.

Фактор голода лежал и в основе революции 1917 г. К концу 1916 г. города стали голодать. Итогом явились раз-громы рынков, лавок, магазинов, рост недовольства и агитации. В начале 1917 г. в городах (благодаря слабос-ти власти и ряду других обстоятельств) «разразился хлебный бунт, начавшийся с остановки и опрокидывания трамваев и перешедший в опрокидывание более солид-ных вещей, вроде престолов и правительств. Опрокинули монархию. Но голод усиливался. Параллельно «углубля-лась» и революция: в октябре опрокинули Временное правительство и стали «социализировать буржуев» (зна-чение имущественной дифференциации)»¹.

Сорокин объясняет, что сказанное о связи ущемления пищевых рефлексов и революции не означает, что дру-гие факторы не играют роли. Возьмите хотя бы, говорит он, *ущемление инстинкта собственности. Всякий раз,*

¹ Сорокин П. Социология революции, с. 357-358.

когда в обществе усиливается ущемление рефлекса собственности его членов вследствие обеднения одних при обогащении других и когда число таких членов растет, пропорционально возрастают и шансы революции. Возьмите ущемление инстинкта индивидуального самосохранения и рефлекса группового самосохранения, выживания социальной группы. Ярким примером их ущемления является неудачная война. Революции наших лет – Русская, Венгерская, Германская, Турецкая, Греческая и Болгарская – все произошли в подобных условиях. Это же относится и к *правительственному режиму полного произвола*. Отсутствие всяких гарантий и уверенности в своей безопасности, ущемляя рефлексы самосохранения, ведет к обычным результатам ущемления: к росту тревоги, недовольства, негодования и к попыткам насильственного удаления «ущемляющего режима». Нечто подобное можно сказать и об *ущемлении рефлекса свободы*. Режим «несвободы» или «деспотизма» неизбежно минует социальную почву.

Когда ущемление основных инстинктов налицо, любое, самое пустячное событие может послужить поводом для взрыва. Искрой, которая попадает в пороховую бочку, может послужить какое угодно разногласие – социальное, политическое, национальное, религиозное и т.д. Агитация, устная и печатная пропаганда содействуют кристаллизации недовольства. Но успех они имеют тогда, когда почва подготовлена ущемлением основных инстинктов масс. Сами революции не сваливаются с неба, а являются неизбежным продуктом противоречий, накопившихся в «мирное время». И это, говорит Сорокин, можно увидеть, обратившись к изучению условий предреволюционного периода в любом обществе.

«Что мы имели перед русской революцией 1917 г.? Её никто специально не готовил, но все ждали, как стихию, не зная ни дня, ни часа ее прибытия. Как стихия – она и пришла. Какая группа была предрасположена к ней? Да чуть ли не все 96% населения. «Ущемляющий» режим был снесен. Что дала Февральская революция массам рабочих? Кроме бумажных свобод – почти ничего. Она не улучшила их экономического положения, напротив, голод усилился, монотонная работа на фабриках осталась, ка-

кой была и прежде, кругом царила та же роскошь «буржуев», мозолившая им глаза. Октябрь был предрешен ...»¹. В 1917 г. в России сложились условия, при которых «оглушительный революционный взрыв» был неизбежен. В своем дневнике в январе 1916 г. М. Палеолог, посол Франции в России в 1914-1917 гг., писал: «Когда я размышляю о всем, что в русском социальном и политическом строе есть архаичного, отсталого, примитивного и себя пережившего, я часто говорю себе: «Такой же была бы и Европа, если бы у нас, в свое время, не было возрождения, реформации и французской революции! ...»².

Развенчивая революции как метод социальных преобразований Сорокин все же признает, что они будут происходить и будут оправданы до тех пор, пока тому или иному обществу не дадут развиваться нормальным образом. Эпохи мирного развития иногда более «убийственны», чем революции и войны (достаточно оглянуться на наши «лихие 90-е» гг.). В то же время он обращает внимание на то, что есть сторонники и других мнений, и цитирует изданную в 1900 г. работу известного историка, социолога, политического деятеля, профессора М.М. Ковалевского «Экономический рост Европы»: «Давно замечено, что революционные движения, хотя и вызываются избытком общественных бедствий, загораются обыкновенно не в моменты наибольшей приниженности, а, наоборот, в периоды сравнительного подъема благосостояния масс. Самосознание, возникающее одновременно с материальной обеспеченностью, открывает глаза крестьянству на возможность улучшить свое положение новыми коллективными усилиями». Действительно, история знает множество примеров, когда революционные события возникали, казалось бы, из ниоткуда, очень часто не из каких-то социально-экономических катаклизмов, а, наоборот, на фоне относительно длительного экономического роста и общей социальной стабильности. Их источником становится взрывной рост неудовлетворенных социальных ожиданий. Иначе говоря, революции происходят тогда, когда общество оказывается в ловуш-

¹ Сорокин П. Социология революции, с. 371-373.

² Палеолог М. Царская Россия накануне революции. Пер. с франц. М., 1991, с.27.

ке собственных, пусть часто и завышенных надежд. Надежд на улучшение жизни, на социальную справедливость, на будущее. То есть, когда «вроде бы все хорошо», возникает понимание того, что без кардинальных изменений в социально-экономическом курсе, в направлениях развития и механизмах их реализации невозможно прорыв в будущее. Новые задачи, стоящие перед обществом, новые ожидания и надежды требуют и новой политики. Такие «революции надежд», как правило, не несут лозунгов разрушения и насилия, а открывают «окно возможностей» выбора новых направлений развития, отказа от не оправдавших себя догм и концепций.

Обратимся к нашей революции (контрреволюции) 1991-1993 гг. Либеральные экономические преобразования превратились в либеральную революцию, т.е. приобрели четкий политический и, более того, идеологический характер. Либеральная революция, поддержанная лишь узким слоем спекулятивной буржуазии и тесно связанной с ней новой бюрократии – отсюда тенденции авторитаризма и, в свою очередь, изменение политического характера власти. Это была революция меньшинства и в интересах меньшинства. Но именно это или даже просто пассивное поведение большинства, отсутствие сопротивления с его стороны создавало видимость, будто это меньшинство является представителем всего народа. В перманентно кризисном обществе авторитаризм как организационная форма господства капитала выступает как спаситель от гибели и не позволяет усиливать влияние общества и его контроль за действиями законодательной и исполнительной власти. При этом все либералы признают политическую борьбу, но без низвержения буржуазии. Боритесь, но не смейте побеждать! Перефразируя Маркса, можем сказать, что в этот период президентская республика (вспомним «Ельцин – спаситель России») была единственной возможной формой правления, когда власть трудящихся уже теряла способность управлять обществом, а новая буржуазия еще не приобрела этой способности. Маркс говорит: «Торговля разрослась в необъятных размерах; биржевая спекуляция праздновала свои космополитические оргии; нищета масс резко выступала рядом с нахальным блеском бес-

путной роскоши, нажитой надувательством и преступлением»¹. Да и парламентская форма правления дала возможность одной из партий монополизировать верховные права народа, стать якобы исключительной представительницей и защитницей народа и распоряжаться *им и его имуществом* по своему усмотрению. Современная ситуация в нашей стране во многом как раз такова.

Нынешняя политическая элита, критикуя советскую экономическую систему за ее, якобы, неэффективность, за «производство ради производства», теперь поставила цель – «либерализация ради либерализации», формирование «эффективного собственника». И сравним некоторые результаты. За период 1922-1940 гг., т.е. после окончания Гражданской войны и до Отечественной войны, в РСФСР продукция промышленности выросла в 25 раз, сельского хозяйства – в 1,8 раза, капитальные вложения – в 26 раз. И некоторые абсолютные цифры: производство электроэнергии **выросло** с 0,5 до 30,8 млрд. кВтч; стали – с 0,3 до 18,3 млн.т.; автомобилей – с 0 до 145 тыс.шт.; тракторов – с 0 до 31,6 тыс.шт.; цемента – с 0,1 до 5,8 млн.т.; зерна – с 50,3 до 95,9 млн.т. В результате выполнения первого, второго и части третьего пятилетних планов были решены гигантские по своим масштабам задачи индустриализации страны и укрепление её обороной мощи, переустройства сельского хозяйства. В стране произошла подлинная культурная революция. Среднегодовые темпы роста народного хозяйства составили за 1929-1940 гг. 14,6%, а промышленной продукции – около 17%. Еще более высокими были темпы развития машиностроения и освоение производства многих новых видов продукции².

Некоторые же абсолютные данные за 1990-2009 гг., т.е. за сопоставимый период, представляют собой удручающую картину. Россия не может догнать саму себя образца 1990 г.: производство электроэнергии **упало** с 1082,2 до 992 млрд. кВтч.; стали – с 90 до 59 млн.т.; металлорежущих станков – с 74 до 1,8 тыс.шт.; грузовых автомобилей – с 665 до 91 тыс.шт.; тракторов – с 93 до 11,2 тыс.шт.; мяса – с 6,5 до 3,3 млн.т.; молока – с 20,8

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.17, с.341.

² См.: Народное хозяйство СССР. 1922-1982. М., 1982, с. 52-53, 74-76.

до 10,5 млн.т.; посевные площади **сократились** со 108,7 до 58,6 млн.га¹. Таким образом в промышленности – деиндустриализация, в сельском хозяйстве – разруха и обвал. Обвал меньше коснулся сырьевых отраслей, что подтверждает характеристику современной России как сырьевого придатка.

Место «его величества рабочего класса» в новых идеологических конструкциях занял оборотистый спекулянт, «эффективный собственник». Тотальная коррупция и криминализация практически всех сфер общественной жизни при почти полной безнаказанности постоянно подпитывает преступность. Невозможность достичь высоких стандартов жизни через производительный труд, научную и культурную деятельность искажает трудовые мотивации. Более того, производительный труд становится признаком непригодности человека к жизни в новом обществе. Проводимая либеральная экономическая политика в своей основе (по природе) асоциальна, что ведет к деградации, распаду социальной сферы и ставит под сомнение судьбу всякой модернизации, да и самой демократии в России.

Не следует забывать, что о делах судят по их результатам. Ведь характер настоящей, действительной революции определяется как разрешением накопившихся социально-экономических и общественно-политических противоречий, устранением сил, препятствующих общественному прогрессу, так и направленностью на созидание и умножение общественного богатства.

Страх перед революциями просто глуп: историю нельзя заклинять. Революция – явление болезненное, но на неё идут сознательно так же, как соглашаются на необходимую операцию. Да, революции, как правило, сопровождаются иррационализмом и насилием, но говорить о насилии вообще, без разбора условий, отличающих реакционное от революционного насилия, значит быть мещанином, обманывающим себя и других. «Мыслить жизнь без революций просто немыслимо» и лимитов на революции никто не устанавливал. История, вопреки

¹ См.: Российский статистический ежегодник. М., 2009; Россия в цифрах. М., 2010.

сторонникам «конца истории», реабилитируется каждый раз, когда «случаются» революции.

Трофимов М.И. Нереволюционная «Социология революции» П. Сорокина. В статье дается краткий анализ работы известного российского и американского социолога, посвященной исследованию социальной природы и причин возникновения революции как общественного явления. При этом сопоставляются некоторые результаты социалистической и либеральной революций, произошедших в России в начале и в конце XX в.

Ключевые слова: революция, причины, условия, социальный, рефлекс, дифференциация, результаты, либеральный.

Trofimov M.I. Non-revolutionary «The Sociology of Revolution» by P. Sorokin. The article gives a brief analysis of works of famous Russian and American sociologist devoted to the study of the nature and causes of the revolution as a social phenomena. In this case, matched some results of the socialist and liberal revolutions that took place in Russia at the beginning and end of the XX century.

Key words: revolution, the causes, conditions, social, reflections, differentiation, results, liberal.